

- Вы уверены, что хотите взять нас с собой? - спросил Сяо Хуа, как только Ю Донг, обняв своих мужей, зарядила свое сердце.

Ю Донг повернулась к нему и нахмурилась:

- Что ты имеешь в виду?

Сяо Хуа откинул волосы за плечо и несколько раздраженно пробормотал:

- Я хочу сказать, примут ли нас в вашей деревне? Вы можете взять нас с собой, но я не думаю, что кто-то позволит вам ввести нас внутрь. Нас... обычно нигде не принимают, - с горечью закончил Сяо Хуа.

Он не лгал и не преувеличивал. Просто потому, что он был из таверны, которая занималась подобным бизнесом, ему не разрешалось входить куда-либо, неважно, что это было - магазин или ресторан. Ему запретили вход даже в храм города! У него было все: он был красив, умен и знал почти все, но никто не хотел с ним дружить, а богатые мадам были готовы принять его в своей постели, но больше нигде... Его даже не водили в ресторан, чтобы поесть, потому что его существование было позорным в глазах других. Он мог не продавать свое тело, но в конце концов он был мером, работавшим в таверне... как он может считаться чистым? Разве не об этом говорила ему монахиня в храме?

На самом деле, сегодня он впервые ел в уважаемом ресторане. Поэтому он был немного счастлив, но не забыл, кто он и откуда.

Ю Донг моргнула глазами. Ощувив ее испепеляющий взгляд... Сяо Хуа почувствовал такой стыд, какого еще никогда не было в его теле. Никогда прежде он не чувствовал себя так... Он не гордился своим происхождением, но и никогда прежде не чувствовал себя таким ничтожным, словно он не стоил внимания Ю Донг. Если бы только он был таким же чистым и наивным, как те ее мужья...

"Хуа Хуа, ты прекрасен, но твои амбиции слишком велики для мера. Почему бы тебе не принять мое предложение и не переехать ко мне в качестве наложника?"

"Те, кто грешит, никогда не смогут оказаться на коленях у Бога. Ты не заслуживаешь этого."

"Хах, зачем ты изображаешь самодовольство? Ты всего лишь дешевый эскорт, не так ли? И что с того, что я тебя немного поласкала? Если не хочешь, чтобы тебя лапали, сиди в своей комнате и молчи; ты сам напрашиваешься на это, выходя сюда."

"Ну и что, что у тебя есть деньги? Я не хочу пачкать атмосферу моего ресторана твоим присутствием. Сюда допускаются только хорошие и уважаемые люди. Неужели ты не знаешь, какая у тебя репутация? Если нет, то позволь мне объяснить тебе это - низкая сучка, которая

продается любому, кто заплатит достаточно денег. А теперь кыш!"

- Это не имеет значения, не так ли?

Она просто сказала, нарушая тишину, которая повисла над группой. Глаза Сяо Хуа распахнулись, и он посмотрел на нее:

- Пока я приветствую тебя, какое тебе дело до того, приветствует ли тебя кто-то еще или нет? Пока я с тобой, ты можешь идти куда хочешь, а если кто-то остановит тебя, просто скажи мне, кто это, а дальше я сама разберусь.

Сяо Хуа сжал кулаки, насмешки в его ушах смолкли, и все, о чем он мог думать, были слова Ю Донг: "Ты можешь идти куда угодно, если я буду рядом с тобой". Действительно ли он может сделать это?

Когда группа достигла деревни Ривер, все было так, как сказал Сяо Хуа...

Группа старых старейшин деревни вместе с Сюй Муань сидели под большим деревом баньяном, которое было у входа в деревню, и как только они увидели, что они идут, все они встали. Ю Донг тихо нахмурилась и выругалась, но не потому, что боялась главы деревни или старейшин, а потому, что рядом с ними стоял Фан Чи и, судя по всему, плакал.

Сукины дети, мать их! Кто заставил его плакать?

Сюй Муань молча ухмылялась Ю Донг. На этот раз она увидит, как Ю Донг сможет выбраться из этой ситуации.

- Остановитесь! - сказала одна из старейшин, подняв руку и пытаясь удержать Ю Донг.

Но та не остановилась. Вместо этого она оттолкнула руку старейшины и сказала:

- Мой жених, кажется, немного расстроен. Вам всем лучше молиться, чтобы никто из вас не приложил к этому руку... или я заставлю вас пожалеть о том дне, когда вы родились.... Меня не волнует, являетесь ли вы старейшиной деревни или нет.

Не обращая внимания на то, как старуха побагровела и уставилась на нее, трясаясь и шипя, словно в припадке, Ю Донг закрыла пространство между ними и с защитной стойкой, как всегда, наклонила подбородок Фан Чи, заставив его посмотреть ей в глаза. Она сдержала ругательство, заметив, как опухли и покраснели его глаза:

- Кто заставил тебя плакать?

- Ю Донг, ничего страшного. Я в порядке...

Вытирая ему глаза, она тихо проговорила, но властность в ее голосе ничуть не ослабла:

- Я спрошу тебя снова, милый. Кто заставил тебя плакать?

Фан Чи ничего не сказал, только кусал губы и фыркал. Это была бабушка Фан, которая прыгала и кричала; ее голос был хриплым, как будто она тоже плакала, но она держалась гораздо лучше, чем ее внук. Она указала пальцем на группу старейшин и закричала, как будто наконец-то нашла свою поддержку:

- Это они! Они те, кто ругал Чи, говоря, что он плохо следит за тобой! Они твердили, что выгонят тебя! Они даже заставили Чи встать на колени, чтобы извиниться перед ними!

Старейшины сместились со своих мест, расправив плечи:

- Это его вина, как твоего мужа. Он не смог обуздать тебя, из-за чего ты разрушила атмосферу в деревне и...

- Извинитесь, - процедила Ю Донг, поворачиваясь лицом к старейшинам, - Мне действительно плевать на вашу чушь, которую вы несете... но если вы заставили моего жениха плакать, заставили его преклоняться перед вами, когда я, его невеста, не была здесь из-за того, к чему он не причастен, тогда, я думаю, у нас есть проблема. И это значит, что если вы не извинитесь перед ним в течение пяти секунд, то я сделаю нашу проблему только вашей проблемой.

<http://bllate.org/book/14120/1241933>